

Глава 6. Особенности политогенеза в историко-археологической динамике

Крадин Н. Н.

Вводные замечания

В настоящее время теоретическое осмысление процессов происхождения государственности подошло к определенному рубежу. Длительные дебаты последних нескольких десятилетий привели исследователей к тому, что правильно понимать становление государства как сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами. Ни один из выделенных исследователями в ходе дискуссии факторов не является универсальным (см. также главу 4). В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от большого числа разнообразных переменных.

При этом сущность становления государственности отражается в двух дополняющих друг друга подходах (функциональном и конфликтном). Судя по всему, генеральная линия происхождения государства осуществлялась через монополизацию правящими группами ключевых административных должностей. При этом можно выделить несколько этапов политогенеза в доиндустриальных обществах:

1) Предгосударственное общество, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом («дофеодальное общество», «предклассовое общество», «протогосударство-чифдом», «вождество», «аналоги государства» и др.);

2) Раннее государство, с зачатками аппарата власти, но не знающее частной собственности («раннеклассовое общество», «раннефеодальное», «архаическое», «варварское» или «сословное» государство и пр.);

3) Сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью («традиционное государство», «зрелое государство», «аграрное государство», «сословно-классовое общество», «доиндустриальное государство» и т. д.; см. также главу 18 о развитии государстве).

Стадиальный принцип дополняется билинейными и многолинейными теориями, многие из которых говорят о двух полюсах (стратегиях) эволюции, которые могут быть зафиксированы в разных обществах. *Иерархическая* или *сетевая* основана на вертикали власти и централизации. Для *гетерархической* или *корпоративной* стратегии характерны большее распределение богатства и власти, сегментарная социальная организация, универсализирующая космология. Как эти фазы политогенеза и различные стратегии проявляются в археологических ис-

точниках, представит выяснить в данной главе монографии. С этой точки зрения очень важное значение имеет теория материализации. Под материализацией в современной археологии понимается преобразование идей, значений и символов в физическую реальность. Она может существовать в форме символических объектов, монументальных конструкций, иконографии, письменности и, в конечном счете, формирует идеологический контроль элитами над сознанием индивидов. Особое место занимает монументальная архитектура, которая представляет собой своеобразную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как своеобразное напоминание о прошлом, но одновременно может выполнять политический заказ, формировать новые смыслы и значения. Монументальные ландшафты также могут преобразовываться и служить идеологическим целям. Иными словами, их можно рассматривать как важный ресурс формирования «символического капитала».

Общие контуры проблематики

Термин *политогенез* употребляется в литературе в трех смыслах: во-первых, как синоним понятия происхождения государства; во-вторых, как формирование и эволюция сложных или комплексных обществ и их политической организации; в-третьих, как генезис и последующая трансформация политической организации в человеческом обществе вообще (Крадин 2004). Последняя трактовка слишком обширна и не входит в задачи данной главы. Настоящая работа посвящена в основном происхождению государственности. В некоторой степени будут затронуты вопросы трансформации комплексных негосударственных обществ.

Нужно сказать, что возникновение государственности – одна из самых главных вех в мировой истории и одновременно вечный вопрос наук о человеке и обществе. По этому поводу было высказано громадное количество самых разнообразных точек зрения, написаны сотни книг и много тысяч статей. Раньше всех появились так называемые умозрительные теории. Они были основаны на спекулятивных построениях мыслителей. Первая – *сакральная* – предполагала, что вся власть от Бога, вторая – *патриархальная* – исходила из того, что государство подобно разросшейся семье. В эпоху нового времени возникли теории *общественного договора* Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, согласно которым государство возникает как продукт внутреннего соглашения между людьми, которые передают часть своей свободы и власть внешней силе, чтобы обеспечить общественный порядок и неприкосновенность собственности. Все эти теории основаны не на исторических фактах, а на философских и иных умозаключениях.

Первой научной теорией стала *завоевательная* теория политогенеза. Она появилась в XIX в. и связывается с именами историков права Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера (Gumplowicz 1905; Oppenheimer 1919). Ее сторонники полагали, что первые государства возникли в результате **внешнего** фактора – завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и эксплуатации подчиненных победителями. Эта теория была поддержана неко-

торыми этнологами и теоретиками марксизма за рубежом (Cunov 1920; Kautsky 1927; Turnwald 1935). Ее обстоятельная критика принадлежит американскому этнологу Р. Лоуи. В книге *Происхождение государства* он показал, что завоевание далеко не всегда ведет к государству, а для того чтобы завоевание привело к государственности, общества победителей и побежденных должны были обладать некоторой стратификацией. Следовательно, война не может быть единственной предпосылкой, ведущей к возникновению государства (Lowie 1927).

Без преувеличения можно сказать, что начиная со второй половины XIX в. важный вклад в разработку данной темы внесли марксистские теоретики. Это было обусловлено тем, что для них государство являлось важнейшим орудием эксплуататорских классов и ему нужно было дать правильную оценку. Согласно марксистскому учению, государство представляет собой политическую машину для подавления господствующими классами трудящихся масс. Эта мысль присутствует уже в *Манифесте коммунистической партии* 1848 г. Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули две основные модели вызревания государства. В *Экономических рукописях 1857–1861 гг.* К. Маркса и в *Анти-Дюринге* (1978 г.) Ф. Энгельса возникновение государства и классов описывается как процесс постепенной узурпации вождями своих управленческих функций, превращения первоначальных «слуг народа» в «господ над ним» (Marx 1964). Однако в *Происхождении семьи, частной собственности и государства* (Engels 1884) Энгельс, не без влияния книги *Древнее общество* Л. Моргана (Morgan 1877), нарисовал иную картину политогенеза: развитие экономики приводит к росту прибавочного продукта, появлению имущественного неравенства и классов. Господствующие классы для охраны своей собственности изобретают государство, сначала рабовладельческое, затем феодальное (подробнее о взглядах Маркса и Энгельса см.: Лынша 1995).

Последняя точка зрения получила господствующее распространение в советской науке, и фактически все работы, касающиеся теории государства и права, теории становления государственности, и конкретно-исторические исследования, выполненные на материалах конкретных обществ, длительное время рассматривались исключительно в рамках парадигмы, изложенной в *Происхождении семьи*. Только в период «оттепели», в первую очередь в рамках дискуссии об азиатском способе производства, появились новые интерпретации, которые акцентировали внимание на организационно-управленческих функциях государства, соотношениях власти и собственности, стимулировали исследования в области многовариантности форм перехода к государственности (Tökei 1966; Данилова 1968; Godelier 1969; Хазанов 1979; Васильев 1983; Илюшечкин 1986; 1990; Иванов 1993 и др.).

Надо сказать, что марксизм оказал серьезное влияние на большинство авторитетных теорий происхождения государства в XX в. К. Виттфогелем была выдвинута ирригационная теория политогенеза, согласно которой первоначальная государственность и развитие власти напрямую связаны с необходимостью строительства для общества крупномасштабных оросительных сооружений (Wittfogel 1957). Г. Чайлд, создатель теории «городской революции» (Childe 1950), считал себя марксистом, а едва ли не все значимые процессуалистские ра-

боты в области археологических реконструкций комплексных обществ были написаны под его прямым или косвенным влиянием. Антропологи – неозволюционисты второй волны, создавшие наиболее влиятельные теории политогенеза, Э. Сервис и М. Фрид – симпатизировали марксизму и троцкизму (Fried 1967; Service 1975). Некоторые марксистские идеи оказали влияние на теорию «раннего государства» Х. Дж. М. Классена и П. Скальника (Claessen, Skalnik 1978; 1981).

С началом перестройки в отечественной литературе наметился отход от марксистских универсалий. Определенное распространение получили неозволюционистские теории вождества и раннего государства, а также мир-системный анализ и другие парадигмы. Российские исследователи самостоятельно пришли к многолинейной эволюции (подробнее см.: Крадин 2008). Однако иногда даже в современных исследованиях прослеживается сильное влияние старых теорий. Это, в частности, выражается в использовании давно устаревшей концепции военной демократии, в применении Энгельсовой триады признаков государства, в понимании государства исключительно как института подавления народных масс и др.

В зарубежной науке с начала 1990-х гг. и особенно в новом столетии однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике. Особенно много нападков было сделано против концепции вождества (Yoffee 2005; Pauketat 2007). Критика была положительно воспринята в англо-американской археологии. Постепенно преобладающей парадигмой в антропологии и отчасти в археологии стал постмодернизм. Это привело к тому, что стало неполиткорректным демонстрировать свою приверженность идеям эволюционизма. В результате оказалось, что наиболее влиятельные книги последнего десятилетия с использованием эволюционистской парадигмы оказались написанными не антропологом, а биологом – Дж. Даймондом (2009; 2016). Тем не менее есть определенные результаты и достижения, о которых следует сказать несколько подробнее.

Факторы и механизмы политогенеза

В настоящее время теоретическое осмысление процессов происхождения государственности подошло к определенному рубежу. Как показали сравнительно-исторические исследования последних десятилетий, процесс политогенеза – сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами. Как весьма справедливо заметил по данному поводу Дж. Хаас, многие из теорий адекватно объясняют возникновение государственности применительно лишь к случаям, которые служат иллюстрациями для подтверждения тех или иных взглядов (Haas 1982: 130). В то же время ни один из вышеперечисленных факторов не является универсальным. Сегодня большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависящим от большого числа разнообразных переменных (Peregrine *et al.* 2007: 84).

При этом сущность становления государственности отражается в двух дополняющих друг друга подходах (функциональном и конфликтном). Один из главных идеологов функционалистской версии политогенеза Э. Сервис рассматривал создание государства с точки зрения «выгоды», которое оно несет своим гражданам. Он признавал, что подданным приходится платить определенную «цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывался видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивировал это тем, что ему неизвестны случаи восстаний в ранних государствах (Service 1975). Эти аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологической доктрина взаимного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями (Claessen, Skalnik 1978; 1981).

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенный для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи привлекали внимание к насильственному, военному решению экономических проблем (Carneiro 1970); другие – обращали внимание на то, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля (Earle 1997); третьи (марксистские авторы) акцентируют внимание на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества (Fried 1967).

В настоящее время мало кто из исследователей готов безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это крайние полюса единого процесса. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т. д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены соглашаться со своим более низким статусом. Государство амбивалентно. Оно одновременно и помогает, и наказывает. В политике диалектически сосуществуют и переплетаются обе стороны власти – функциональная, интегрирующая и эксплуататорская, конфликтная (Mann 1986: 6). В этой связи ключевой вопрос, которыми задавались многие антропологи и археологи: как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво (Feinman 1995; Earle 1997; Haas 2001; Flannery, Marcus 2012)?

Можно говорить, наверное, о трех ключевых каналах достижения власти – экономика, война и идеология. Экономическая власть основана на контроле над ключевыми секторами экономики и ресурсами, а также на доступе к перераспределению ресурсами. Т. Эрл предлагает выделять основные финансы и финансы богатства (Earle 2002: 192–194). В первом случае имеется в виду контроль

над реальными секторами экономики и их результатами – производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому во втором случае речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших престижно значимые для статуса товары (Brumfiel, Earle 1987), или о контроле над внешней торговлей (Ekholm 1977; Sáenz 1991).

Военный фактор проявляется прежде всего в наличии у лидера вооруженных и, как правило, хорошо обученных сторонников, которые могут оказать помощь в борьбе против конкурентов. Помимо этого, война предполагала возможность завоевания и порабощения или запугивания с целью гарантировать поддержку и защиту. Идеология предполагает обеспечение доминирования через культурно значимые для общества символы. Она имеет очень важное значение для интеграции группы. Коллективные ценности реализуются как в рамках каждодневных действий (габитус), так и через публичные ритуалы и церемонии, совместные трапезы и праздники. Как очень точно подметил М. Манн, успешная идеология предполагает взгляд, делающий боль жизни и неравенство более терпимыми (Mann 1986: 23). Важное место в этой связи имеют различные дарообменные механизмы, которые камуфлируют реальную иерархию идеологическими одеждами, создают иллюзию сопричастности подданных и правителей. Светская, военная и сакральная власть могла быть как разделена между различными группами элиты, так и интегрирована в той или иной комбинации.

Пути к государственности

Судя по всему, генеральная линия происхождения государства осуществлялась через монополизацию правящими группами ключевых административных должностей. При этом можно выделить несколько этапов политогенеза в доиндустриальных обществах:

1. Предгосударственное общество, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом (дофеодальное общество, предклассовое общество, протогосударство-чифдом, вождество, аналоги государства и др.);

2. Раннее государство, с зачатками аппарата власти, но не знающее частной собственности (раннеклассовое общество, раннефеодальное, архаическое, варварское или сословное государство и пр.);

3. Сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью (традиционное государство, зрелое государство, аграрное государство, сословно-классовое общество, доиндустриальное государство, развитое государство и т. д.) (Claessen, Skalnik 1978; 1981; Gellner 1988; Johnson, Earle 2000; Гринин 2007; Grinin 2008; 2009 и др.).

Ключевой вопрос здесь – это критерии, которые отличают предгосударственные общества от государства. Традиционно принято выделять три главных признака государства: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Традиция выделения данных признаков происходит из концепции суверенитета, появившейся в Европе в Новое время. Эта триада до

сих пор считается классической в политической и юридической науках. Однако, если обратиться к истории, население, территория и независимость – это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и первобытного. Любая группа охотников и собирателей или община представляет собой *население*, которое проживает на определенной *территории*, контролирует ее и защищает от чужаков. Если вспомнить еще один часто упоминаемый признак – политический *суверенитет*, то любое вождество является независимой политической единицей.

Исследования антропологов показали, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редистрибуцией и налогами очень условна. Наконец, не всегда можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства (Куббель 1988). Из вышеперечисленных черт только один признак может служить настоящим признаком государства – это наличие институтов управления.

При этом важно иметь в виду, что лиц, занятых управлением, можно разделить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие решений (родственники, придворные, священники и т. д.). Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних государствах, но, например, в вождествах, только категория **специальных функционеров** может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил К. Виттфогель: государство – это управление профессионалов (Wittfogel 1957: 239.). Схожее понимание государства дано также Э. Геллерном (Gellner 1983: 4).

Кроме того, мы можем говорить о государстве как об организации только в том случае, если она состоит из **большого количества** людей. Государство – это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью, а аппарат управления, то есть совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок (габитус). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцелярии и т. д.), либо в принципе не быть институализирована и находится при дворе, резиденции или ставке правителя.

В данном случае речь должна идти о сформировавшейся государственности, то есть таком аппарате управления, который уже оформился в институализированные формы. Однако такие феномены, как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность, формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархиче-

скими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации, как раннее государство.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Хенри Дж. М. Классена и его школы. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе *Раннее государство*, изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом африканистом П. Скальником (Claessen, Skalnik 1978), и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий. В 2008 г. журнал *Социальная эволюция и история* (№ 1) организовал специальную дискуссию, посвященную состоянию теории раннего государства и приуроченную к тридцатилетию выхода книги *Раннее государство* (Claessen 2008; Claessen et al. 2008 etc.). Роль данной теории в современной археологической и антропологической науке показана в обстоятельной обзорной статье П. Скальника (Skalnik 2009).

В настоящее время раннее государство понимается как «независимая трехуровневая (национальный, региональный, локальный уровни) социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном, стратифицированном обществе, разделенном, во всяком случае, на две основные страты или зарождающихся общественных класса – то есть правителей и управляемых, чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязательством платить налоги вторых, что узаконено общей идеологией, базисный принцип которой – взаимный обмен» (Claessen 2008: 13). Именно на этой стадии появляются такие важные признаки, как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др. (Bondarenko, Korotayev 2003).

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персону сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал благодаря своим сакральным способностям стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти на стадии уже сложившегося доиндустриального государства отпадала необходимость в данных функциях «священного царя» (Claessen 1986).

Представление о стадиях вызревания обществ с государственной организацией было дополнено билинейными и многолинейными теориями, согласно многим из которых, можно говорить о двух полюсах (стратегиях) эволюции, которые могут быть зафиксированы в разных обществах.

Иерархическая или *сетевая* стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре.

Для *гетерархической* или *корпоративной* стратегии характерны большее распределение богатства и власти, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Этот подход примерно в одно время, но на разных исторических данных и в разной терминологии разрабатывался на материалах Ближнего Востока, Средней и Внутренней Азии, Кавказа, Западной Европы и Нового Света (Березкин 1995; Коротаев 1995; Crumley 1995; 2001; Blanton et al. 1996; Бондаренко, Коротаев 1999; 2002; Берент 2000; Ковалевски 2000; Feinman 2001; Bondarenko 2006; Гринин 2007; Price, Feinman 2010; Chacon, Mendoza 2017 и др.). Все это позволяет сделать **вывод**, что параллельно с созданием **иерархических** обществ (вожеств и государств) существует другая линия социальной эволюции – **неиерархические** общества. Следовательно, социальная эволюция является **многолинейной**.

Археологические перспективы

Дальнейшие перспективы развития теории политогенеза связаны в первую очередь с археологической наукой. Это обусловлено тем, что источниковедческая база исторических исследований по данной проблематике (письменные источники) фактически исчерпана. Вряд ли следует ожидать появления каких-то новых уникальных текстов, которые могли бы нас заставить кардинально пересмотреть наши представления о происхождении государства в том или ином конкретном регионе. Другой принципиально важный момент заключается в том, что политическая антропология по объективным причинам лишилась объекта своего исследования. Именно поэтому политантропологи сосредоточились сейчас на изучении посттрадиционных и постколониальных обществ, а также на антропологических аспектах политической культуры современных обществ (Абелес 1998). И только археология чувствует себя более или менее уверенно. Ежегодно производится большое количество раскопок, которые расширяют и углубляют наши представления о генезисе самых ранних государств и предшествующих им образований. Внедрение в современную археологию естественно-научных методов дает нам принципиально новую информацию. Генетика, стабильные изотопы, изучение изменений климата открывают нам совершенно иные данные, которое не могли быть получены традиционными способами исследования. Именно здесь совершается наибольшее число открытий, которые, возможно, окажут влияние на смену исторической парадигмы (Kristiansen 2012: 78). Все это придает археологическим исследованиям новые импульсы.

При этом по мере накопления фактического материала интерпретации демонстрируют очень большое разнообразие политических систем, которые могли возникать в однотипных экологических условиях (Березкин 2013). На одном полюсе – сложные общества без ярко выраженной иерархической структуры, на другом – классические вожества разной степени сложности и ранние государства. Между ними располагается немалое количество промежуточных форм с различной экономической базой, политической организацией, идеологическими инсти-

тутами. Поэтому в настоящее время исследователи склонны использовать более нейтральные термины – «среднемасштабное общество», «комплексное (сложное) общество» и т. д. (Chapman 2003; 2008 *etc.*).

Принципиально важное значение для понимания формирования государственности имела знаковая статья Г. Чайлда о «городской революции». Он выделил список из 10 признаков стадии **цивилизации**: появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущих в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации; появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (Childe 1950).

Данная статья стала самой цитируемой публикацией, когда-либо опубликованной в журнале *Town Planning Review*. При этом для самого Г. Чайлда город был только одним из компонентов широкого комплекса общественных изменений, который обычно характеризуется как процесс становления цивилизации или образование государства с определенным акцентом на археологические свидетельства. На самом деле Чайлд имел в виду не столько урбанизационные процессы сами по себе, сколько процесс формирования классов и государства (Smith 2003: 187). В этой связи нельзя не согласиться с мнением, что модель «городской революции» и выделенные признаки «цивилизации» оказали огромное влияние на все последующие дискуссии о происхождении государства (Smith 2009: 22).

Статья положила начало бесконечной дискуссии о критериях государства. В разных работах отмечалось, что немало ранних государств Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность. Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, монументальные сооружения характерны как для государств, так и для вождеств. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии, является данное общество вождеством или государством. В целом, список Чайлда неоднократно уточнялся и пересматривался. Существует много влиятельных работ, в которых перечисляется широкий набор признаков цивилизации (Adams 1966; Renfrew 1972; Haas 1982; Feinman, Marcus 1998; Flannery 1998; Maisels 1999; Smith 2003; Flannery, Marcus 2012).

При этом нужно признать, что такие признаки, как **город**, **монументальная архитектура**, высокоразвитое **ремесло**, **стратификация** погребений, встречаются чаще, чем другие критерии. Это, конечно, не говорит о том, что остальные признаки ошибочные. С одной стороны, исследователи руководствуются при составлении списка признаков определенной традицией, идущей от Г. Чайлда. С другой стороны, в той или иной степени, каждый опирается на свой конкретный материал и опыт того региона, который ему знаком лучше всего. Так или иначе, универсальных критериев комплексных обществ уровня государства, по всей видимости, нет. Археологам, специализирующимся на археологии полито-

генеза, следовало бы говорить о масштабном, сложном и разнообразном процессе формирования комплексных обществ, который значительно варьировался от региона к региону.

Материализация

В этой связи важное значение имеет концепция материализации, которая позволяет понять, как институты власти и процессы формирования государства могут быть отражены в археологических источниках. Под **материализацией** в современной археологии понимается преобразование идей, значений и символов в физическую реальность (DeMarrais *et al.* 1996; Meskell 2005 *etc.*). Она может существовать в форме символических объектов, монументальных конструкций, иконографии, письменности и др. Фундаментальными свойствами материализации является то, что она обеспечивает широкой доступ (говоря в рамках более привычных нам понятий – «массовость»), который формирует идеологический контроль элит над сознанием индивидов.

Материализация может реализовываться в общественных церемониях – различных важных для группы ритуалах, пирах, иных действиях. Церемонии – это самая простая форма поддержания идентичности и идеологии, которая имеет значение для самых разных общественных групп от первобытных охотников и собирателей до археологов, периодически объединяющихся на своих съездах. Церемонии обычно осуществляются с использованием церемониальных принадлежностей и ритуальных одеяний. Крупные церемонии требуют ресурсов и сплоченности группы. Они содержат в закодированной форме важную для группы информацию, которая транслируется большому количеству индивидов (для не входящих в группу она может быть непонятна).

Культурные символы требуют периодического воспроизведения, чтобы они не были вытеснены из сознания индивидов чем-то другим. С этой точки зрения церемония – не самая удачная форма материализации. Ее эффективность во многом зависит от повторения. Поэтому должны существовать другие компоненты, в которых могла бы быть воплощена значимая для группы культурная информация.

В первую очередь это различные символические объекты (такие, например, как христианский крест). Компактность, возможность копирования и распространения делает символические объекты очень значимыми средствами осуществления идеологии. Во-вторых, это монументальные архитектурные объекты. Они создаются таким образом, чтобы господствовать над пространством и в материальной форме утверждать наличие общественного неравенства, а также напоминать о незыблемости общественного устройства. Вне всякого сомнения, монументальная архитектура представляет собой своеобразную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как напоминание о прошлом, но одновременно может выполнять политический заказ, формировать новые смыслы и значения. Монументальные ландшафты также могут преобразовываться и служить идеологическим целям (Smith A. 2003; Smith Mo. 2014). Иными словами, их можно рассматривать как важный ресурс формирования «символического капитала» (Bourdieu 1991).

Ярким воплощением материализации является город. Доиндустриальный город имел важное значение с точки зрения демонстрации символического господства власти над пространством. Городские стены или валы всегда производят впечатление, особенно на тех, кто живет в небольших по размеру хижинах или палатках. Городские стены маркируют территорию. Они отражают претензии владельцев стен на окружающую территорию. Одновременно стены отделяют город от округа, являясь параллельно и символом, и инструментом сегрегации. Они выступают как своеобразный компонент космограммы сакральной структуризации пространства. С данной точки зрения городской ландшафт – это изобретенная и перестроенная искусственная среда в соответствии чувствами и замыслами обладателей власти. Главная задача подобных преобразований – маркировать статусы и легитимность элиты, структурировать пространство и навязать волю массам (Smith 2003).

Как образно подметил в свое время Б. Триггер, размеры архитектурных сооружений – это классический инструмент измерения археологами масштабов экономической или политической власти (Trigger 1990). Масштабные монументальные строения не только служат средством пропаганды существующей власти, но и заставляют людей испытывать эмоциональные переживания. Тем самым архитектура может рассматриваться как инструмент психологического влияния на поведение людей (Moore 2005; Smith 2008). Наконец, монументальная архитектура представляет собой своеобразную материализацию коллективной памяти общества. Она присутствует как своеобразное напоминание о великом прошлом, но одновременно может выполнять политический заказ – демонстрировать, например, неизбежность существующего политического строя (Smith 2003).

Нужно отметить, что важное место в визуализации власти занимали так называемые священные места – храмовая архитектура, святилища, места отправления различных ритуалов. Поскольку для системы власти традиционных обществ огромное значение имела религия, существует тесное переплетение религиозных и политических практик. При этом выделяется пять материально-пространственных признаков ритуальной архитектуры: неизменность, центрированность, вездесущность, масштаб и визуализация (Moore 1996; 2005). Все это в конечном счете также было нацелено на то, чтобы подавить волю простых людей и заставить смириться с существующими порядками.

Археология города

Город неслучайно встречается среди наиболее часто упоминающихся черт государства. Для подавляющего большинства исследователей город – это материальное воплощение государственности (Fox 1977: 24). По большому счету урбанизм – это нечто гораздо большее, чем просто придаток к концепции государства (Cowgill 2004: 526). Характер соотношения между урбанизацией и динамикой политогенеза был предметом изучения многих исследователей (Adams 1966; Blanton 1982; Algaze 2008; Marcus, Sabloff 2008). К настоящему времени написано просто бесчисленное количество книг и статей, в которых обсуждается проблематика происхождения и ранних этапов урбанизации (см., например: Ucko *et*.

al. 1970; Nichols, Charlton 1997; Hansen 2000; Cowgill 2004; Marcus, Sabloff 2008 etc.).

При этом далеко не все исследователи разделяют тезис о синхронности процессов урбанизации и политогенеза. В частности, Д. Вэнгроу (Wengrow 2015) опубликовал специальное исследование, в котором обосновывает со ссылкой на Г. Поссела негосударственный характер городских центров архаической Индии 3-го тыс. до н. э. (Possehl 1998). М. Смит также согласна с выводами Г. Поссела в том, что нет никакой прямой логической связи между плотностью населения и появлением централизованных управленческих структур (Smith 2003: 12). Вэнгроу приводит еще один пример «городов без государства» – поселения трипольской культуры в Дунайско-Днепровском междуречье.

Не так давно Дж. Дженнингс и Т. Эрл (Jennings, Earle 2016) усомнились в том, что процесс происхождения государства и урбанизация протекали как синхронные. Они приводят два примера, которые не укладываются в данную схему. Первый пример представлен городской общиной Тиуанако в Андах на территории современной Боливии. Авторы приходят к выводу, что государство в области озера Титикака было создано спустя 300 лет после начала строительства масштабных монументальных сооружений. Второй пример – хорошо известные Эрлу Гавайи, где, по его мнению, возникает государство в условиях полного отсутствия чего-либо похожего на города. Свое и без того авторитетное мнение авторы подтверждают дополнительной ссылкой на Р. Хоммона (Homon 2013: 129). С этой точки зрения классические кочевые империи также попадают в число исключений. Их политическая система (суперсложные вожества) не соответствует критериям государства, тогда как существование городов подтверждено широкомасштабными археологическими раскопками (Крадин 2007; 2011).

Нужно отметить, что среди урбанистов нет единства по поводу понимания сущности города. Общепринятые дефиниции города отсутствуют. Л. Вирт определял город как постоянное поселение, имеющее определенную большую численность жителей, высокую плотность населения, разнообразную функциональную специализацию (Wirth 1938: 8). Согласно образной, труднопереводимой идее Л. Мамфорда, город – это своеобразный театр социальной активности, в котором происходит тесное географическое сплетение экономических и институциональных процессов, а также отражаются эстетические символы коллективного действия (Mumford 2011: 93). Возможно, самая сжатая формулировка принадлежит Э. Глэзеру, который точно подметил, что для города характерны «близость, плотность, теснота» (Glaeser 2011: 6). Большая численность населения, плотность и гетерогенность ранних городов вызывают сомнения, поэтому вопрос, насколько данное определение применимо к периоду генезиса цивилизации, остается открытым. В археологическом измерении для городов важны такие характеристики, как фортификация, границы, осевая планировка, храмы, дворцы, зоны ремесленной деятельности, кладбища, места для игр и собраний (Renfrew 2008).

Как пишет Дж. Коугил, все существующие определения можно объединить в *демографический* (численность) и *функциональный* подходы (Cowgill 2004:

526). Согласно первому подходу, в самых общих чертах город характеризуется как поселение с высокой плотностью населения (Stoddart 1999: 909). Подобные дефиниции наиболее часто применяются и в наши дни. Действительно, для современных географов это очень удобно. Можно смело использовать сведения статистики, данные переписи. Нужно только определиться с тем, каково должно быть минимальное количество жителей города (Wheatley 1972: 620–621). Подобные мнения высказывались среди археологов (Stoddart 1999: 911; Storey 2006: 22), причем нередко в качестве условного эквивалента называется цифра в 5000 человек.

Однако здесь есть несколько существенных вопросов. Количество и плотность населения не всегда жестко связаны с теми функциями, которые выполняли те или иные поселения. Плотность населения, например, мезоамериканских городов доколумбового времени, была очень низкой, и они совершенно не соответствовали данному критерию. Знаменитый Чатал-Гюк, согласно Я. Ходдеру, являл собой «просто очень большую деревню» численностью до 8 тыс. человек (Hodder 2006: 98).

С данной точки зрения, казалось бы, функциональный подход предпочтительнее демографического. Следует согласиться с Б. Триггером, что город выполнял особые, специализированные задачи в отношении окружающих территорий и тем самым отличался от негородских поселений (Trigger 2003: 120). Однако и в данном случае можно столкнуться с рядом проблем. Самая распространенная точка зрения предполагает понимание города как торгово-ремесленного центра. Она восходит к классическим концепциям урбанистики начала XX в., идущим от М. Вебера, для которых образцом было становление западноевропейского города. Постепенно выкристаллизовалось устойчивое понимание города как экономического центра, где концентрируется человеческий капитал и средства, которые обеспечивают сосредоточение промышленности (то есть несельскохозяйственных функций) и перераспределение товаров (Jacobs 1969).

В противоположность этому мнению сформировалась другая точка зрения, согласно которой город позиционировался как место концентрации элиты и административных функций, что визуально отражалось в монументальных строениях (Sjoberg 1960). Большую роль в развитии последней теории сыграли археологи, которые изучали феномен генезиса и становления ранних городов. Так, Р. Мак-Адамс обратил внимание на то, что город – это место, где располагаются центральные учреждения и производится обмен ресурсами (Adams 1966). По всей видимости, функции города как места концентрации торговых и обменных связей и как точки сосредоточения власти и взимания прибавочного продукта с периферии – это две стороны жизнедеятельности городов. Они не являлись функциональными альтернативами, а дополняли друг друга (Brumfiel 1991).

Схожая дискуссия велась среди отечественных исследователей. При этом сначала акцент делался на торгово-ремесленных функциях города (Тихомиров 1946: 8–9; Сахаров 1959: 17). В более поздних работах возобладала более гибкая интерпретация города как явления, сочетающего экономические и административно-политические функции (Карлов 1980; Куза 1983). В российской археологической литературе достаточно давно высказывались мнения о том, что нужно

учитывать обе стороны развития города. Так, по мнению В. И. Гуляева, археологическими чертами города помимо размеров, численности населения и плотности построек являются наличие дворцов, монументальных, особенно идеологических, сооружений, сегрегация построек элиты от обычных жителей и концентрация в элитных зонах предметов роскоши и богатства (Гуляев 1979: 19). Для В. М. Массона (1989: 11) город – это центр ремесла и торговли, идеологии, монументальной архитектуры.

Попытка уйти от дихотомии (что важнее: административные или экономические функции города?) была сделана отечественными востоковедами. В начале 1980-х О. Г. Большаковым совместно с В. А. Якобсоном была предложена идея определять город как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт (Большаков, Якобсон 1983; Большаков 2001: 10–11). Это сняло вопрос о первичности политических или экономических функций, но привело к новой задаче – выяснить соотношение между урбанизацией и политогенезом. Если город представляет собой главным образом центр перераспределения прибавочного продукта, то теоретически это значит, что первые города должны были появиться еще до рождения государства, на такой стадии социальной эволюции, как вождество, поскольку редистрибуция (то есть перераспределение) является одной из важнейших черт данного типа общества.

Так или иначе, функции города как места концентрации торговых и обменных связей и как точки сосредоточения власти и взимания прибавочного продукта с периферии – это две стороны жизнедеятельности городов. Они не являлись функциональными альтернативами, а дополняли друг друга (Brumfiel 1991). Город представляет собой пункт, который выполняет иные, специализированные функции, не свойственные тем поселениям, где проживает большинство населения. Учитывая, что в доиндустриальных обществах большинство населения занималось сельским хозяйством (Gellner 1988), это значит, что речь идет преимущественно о неаграрных функциях (хотя нужно помнить, что население древних городов часто составляли земледельцы, как, например, в античных обществах; применительно к кочевым империям нужно говорить о нескотоводческих функциях [Крадин 2011]).

Так или иначе, города представляют собой поселения с многочисленным и гетерогенным населением с различными функциями и статусами (разные виды ремесленников, священники, торговцы и т. д.). В городах появляются разнообразные монументальные строения (храмы, дворцы, административные здания), особым образом структурируется пространство, что отражается в прокладывании улиц, строительстве стен и кварталов, площадей, парков и др. (Marcus, Sabloff 2008: 13).

Современные исследователи единодушны в том, что нет единого критерия, который бы указывал на универсальные признаки города (Cowgill 2004: 154; Smith 2016: 153). Чтобы отличить негородские поселения от городов, американский археолог урбанист М. Смит предложил использовать серию археологических признаков, которые можно использовать при анализе различных обществ. Среди них площадь и плотность населения (там, где неизвестна численность жителей), наличие резиденции правителя, храмов и административных зданий,

рынков и магазинов, импортных товаров, наличие усыпальниц правителей, высшей и низшей элиты, отражение социальных рангов в материальной культуре, фортификации, ворот, улиц, кварталов, публичных мест, осевой планировки (Smith 2016: 159).

В зависимости от ранга города или его территориального расположения функции могли изменяться. Так, для столичных городов характерно сосредоточение всех значимых функций – административно-политических, экономических (ремесло и торговля), культурных, религиозных. Города более низкого ранга (губернские, окружные и уездные центры) могли выполнять усеченный набор функций или иметь какую-то отдельную специализацию (ремесленный центр, морской порт, обеспечение и защита императорских мавзолеев, охрана границы и др.).

Важной составляющей городского ландшафта является пространственная сегрегация. Пространство считается мощным фактором для построения этнической идентичности (Karferer 1988; Cordell, Yannie 1991). В более широком контексте в комплексных обществах пространство структурируется в той или иной степени, в соответствии со структурой общества. Поскольку город – это территория, где появляются различные специализированные группы (ремесленники, торговцы, священнослужители, чиновники и др.), специализация неизбежно выступает предпосылкой для развития общественной иерархии (Kostof 1991: 37–38). Вследствие этого начинают фиксироваться границы между местами проживания и активной деятельности элиты и других социальных групп, очерчиваются кварталы разных социальных групп – торговцев, ремесленников и др. Справедливости ради следует сказать, что это не только результат деятельности элиты. Основоположники урбанистики еще давно подметили, что люди предпочитают селиться рядом с себе подобными (Wirth 1938). Однако городские стены должны были обеспечивать в первую очередь безопасность и защиту элитным группам, символизировать власть и олицетворять легитимность правящих групп.

Заключение

Современные представления о генезисе государства имеют немало отличий от классических теорий, излагаемых в многочисленных трудах и учебниках по истории, политологии и юриспруденции. Во-первых, было выяснено, что существует большое число причин, которые влияли на развитие политической централизации. Во-вторых, современные историки, археологи и антропологи (этнологи) склонны считать, что генезис государства обусловлен двумя взаимосвязанными процессами – необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества (интегративная теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций (конфликтный подход, классовая теория). В-третьих, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. Существует несколько наиболее популярных теорий, раскрывающих различные пути возникновения государства. Наиболее часто исследователи противопоставляли развитие западных и во-

сточных обществ. Однако в последнее время ряд авторов полагают, что сложность общества далеко не всегда связана с формированием государственности. Они придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства.

При этом новый подход предполагает дихотомию двух полярных стратегий в процессе социокультурной эволюции. Первая (иерархическая или сетевая) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй (**гетерархической** или **корпоративной**) стратегии характерны большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Библиография

- Абелес М. 1998.** Политическая антропология: новые задачи, новые цели. *Международный журнал социальных наук* VI(20): 27–44.
- Березкин Ю. Е. 1995.** Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов, с. 165–187. М.: Наука.
- Березкин Ю. Е. 2013.** *Между общиной и государством: Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике.* СПб.: Наука.
- Берент М. 2000.** Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 235–258. М.: Логос.
- Большаков О. Г. 2001.** *Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения.* М.: Наука.
- Большаков О. Г., Якобсон В. А. 1983.** Об определении понятия «город». *История и культура народов Востока (древность и средневековье).* Л.: 21–32.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 1999.** Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции. *Общественные науки и современность* 5: 128–138.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 2002. (Ред.).** *Цивилизационные модели политогенеза.* М.: ЦЦРИ РАН.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса китайского государства.* М.: Наука.
- Гринин Л. Е. 2007.** *Государство и исторический процесс:* в 3 кн. М.: Комкнига.

- Гуляев В. И. 1979. *Города государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе)*. М.: Наука.
- Даймонд Дж. 2009. *Ружья, микробы и сталь*. М.: АСТ.
- Даймонд Дж. 2016. *Мир позавчера*. М.: АСТ.
- Данилова Л. В. 1968. (Ред.). *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.
- Иванов Н. А. 1993. (Ред.). *Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти*. М.: Наука.
- Илюшечкин В. П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая*. М.: Наука.
- Илюшечкин В. П. 1990. *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.: Наука.
- Карлов В. В. 1980. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии. *Русский город* 3: 66–83.
- Ковалевски С. 2000. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев и др., с. 171–185. М.: Логос.
- Коротаев А. В. 1995. Горы и демократия. *Восток* 3: 18–26.
- Крадин Н. Н. 2004. *Политическая антропология*. М.: Логос.
- Крадин Н. Н. 2007. *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Крадин Н. Н. 2008. Проблемы периодизации исторических макропроцессов. *История и Математика: Модели и теории* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 166–200. М.: ЛКИ/URSS.
- Крадин Н. Н. 2011. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей. *Средние века* 72 (1–2): 330–351.
- Куббель Л. Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Куза А. В. 1983. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. *Русский город* 4: 4–36.
- Лынша В. А. 1995. Загадка Энгельса. *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша, с. 36–58. Владивосток:
- Массон В. М. 1989. *Первые цивилизации*. Л.: Наука.
- Сахаров А. М. 1959. *Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.* М.: Изд-во МГУ.
- Тихомиров М. Н. 1946. *Древнерусские города*. М. (Ученые записки МГУ, Вып. 97).
- Хазанов А. М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы. *Исследования по общей этнографии*. Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: 125–177.
- Adams R. McC. 1966. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago: Aldine.
- Algaze G. 2008. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Blanton R. E. 1982. Urban Beginnings: A View from Anthropological Archaeology. *Journal of Urban History* 8: 427–46.

- Blanton R. E., Fienman G. M., Kowalewski S. A., Peregrine, P. N. 1996.** A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. *Current Anthropology* 37(1): 1–14, 73–86.
- Bondarenko D. M. 2006.** *Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th – 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society*. Moscow: KomKniga.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. 2003.** “Early State” in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database. *Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science* 37(1): 105–132.
- Bourdieu P. 1991.** *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.
- Brumfiel E. M. 1991.** Tribute and Commerce in Imperial Cities: The Case of Xaltocan, Mexico. *Early State Economics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Van De Velde, pp. 177–198. New Brunswick; London: Transactions Publishers.
- Brumfiel E. M., Earle T. 1987.** Specialization, Exchange, and Complex Societies: An Introduction. *Specialization, Exchange, and Complex Societies* / Ed. by E. M. Brumfiel, T. Earle, pp. 1–9. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carneiro R. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169(3947): 733–738.
- Chacon R., Mendoza R. 2017. (Eds.).** *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. New York: Springer.
- Chapman R. 2003.** *Archaeologies of Complexity*. London; New York: Routledge.
- Chapman R. 2008.** Alternative States. *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies* / Ed. by J. Habu, C. Fawcett, J. M. Matsunaga, pp. 144–165. New York: Springer.
- Childe V. G. 1950.** The Urban Revolution. *Town Planning Review* 21: 3–17.
- Claessen H. J. M. 1986.** Kingship in the Early State. *Bijdragen tot de Taal-Landen Volkenkunde* 142(1): 113–129.
- Claessen H. J. M. 2008.** Before The Early State and After: An Introduction. *Social Evolution and History* 7(1): 4–19.
- Claessen H. J. M., Hagesteijn R., van de Velde P. 2008.** The Early State Today. *Social Evolution and History* 7(1): 245–265.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978. (Eds.).** *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik, P. 1981. (Eds.).** *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Cordell L. S., Yannie V. J. 1991.** Ethnicity, Ethnogenesis, and the Individual: A Postprocessual Approach toward Dialogue. *Processual and Postprocessual Archaeologies: Multiple Ways of Knowing the Past* / Ed. by R. W. Preucel, pp. 96–107. Carbondale: Center for Archaeological Investigations, Southern Illinois University at Carbondale.
- Cowgill G. L. 2004.** Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives. *Annual Review of Anthropology* 33: 525–549.
- Crumley C. 1995.** Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Ed. by R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, J. E. Levy, pp. 1–5. Washington, D.C.: American Anthropological Association.

- Crumley C. 2001.** Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 19–36. New York.
- Cunov H. 1920.** *Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie.* Bd. 1. Berlin: Buchhandlung Vorwärts.
- DeMarrias E., Castillo L. J., Earle T. 1996.** Ideology, Materialization and Power Strategies. *Current Anthropology* 37: 15–31.
- Earle T. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory.* Stanford: Stanford University Press.
- Earle T. 2002.** *Bronze Age Economics: The Beginnings Political Economies.* Boulder: Westview Press.
- Ekholm K. 1977.** External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems* / Ed. by J. Friedman, M. Rowlands, pp. 115–136. London: Duckworth.
- Engels F. 1884 [1972].** *The Origin of the Family, Private Property and the State.* London: Lawrence and Wishart.
- Feinman G. 1995.** The Emergence of Inequality: A Focus on Strategies and Processes. *Foundations of Social Inequality* / Ed. by T. D. Price, G. M. Feinman, pp. 255–279. New York: Springer.
- Feinman G. 2001.** Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 151–175. New York.
- Feinman G., Marcus J. 1998. (Eds.).** *Archaic States.* Santa Fe: School of American Research.
- Flannery K. V. 1998.** The Ground Pland of Archaic States. *Archaic States* / Ed. by G. Fienman, J. Marcus, pp. 15–57. Santa Fe: School of American Research Press.
- Flannery K., Marcus J. 2012.** *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fox R. G. 1977.** *Urban Anthropology: Cities in Their Cultural Settings.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Fried M. 1967.** *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anhtripology.* New York: Random House.
- Gellner E. 1983.** *Nations and Nationalism.* Oxford: Basil Blackwell.
- Gellner E. 1988.** *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History.* Chicago: University of Chicago Press.
- Glaeser E. 2011.** *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier.* New York: Penguin Books.
- Godelier M. 1969.** La notion de “production asiatique” et les schemas Marxistes d'evolution des societes. *Sur le mode de production asiatique* / Ed. by R. Garaudy, pp. 7–100. Paris: Centre d'études et de recherches marxistes.
- Grinin L. E. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: the Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of Early State Formation. *Social Evolution and History* 8 (1): 92–132.

- Gumplowicz L. 1905.** *Grundriss der Soziologie*. 2. Aufl. Wien: Hof- Verlags- und Universitäts-Buchhandlung.
- Haas J. 1982.** *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia University Press.
- Haas J. 2001. (Ed.).** *From Leaders to Rulers*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Hansen M. 2000. (Ed.).** *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen: C. A. Reitzels.
- Hodder I. 2006:** *The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük*. London: Thames and Hudson.
- Hommon R. 2013.** *The Ancient Hawaiian State*. Oxford: Oxford University Press.
- Jacobs J. 1969.** *The Economy of Cities*. New York: Radmon House.
- Jennings J., Earle T. 2016.** Urbanization, State Formation, and Cooperation: A Reappraisal. *Current Anthropology* 57(4): 474–493.
- Johnson A. W., Earle T. 2000.** *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford: Stanford University Press.
- Kapferer B. 1988.** *Legends of People, Myths of State*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press.
- Kautsky K. 1927.** *Die Materialistische Geschichtsauffassung*. Bd. 1. *Natur und Gesellschaft*. Bd. 2. *Der Staat und die Entwicklung der Menschheit*. Berlin: Verlag J. H. W. Dietz.
- Kostof S. 1991.** *The City Shaped: Urban Patterns and Meanings through History*. London; New York: Little, Brown and Company.
- Kristiansen K. 2012.** Theory Does Not Die in Changes Direction. *The Death of Archaeological Theory* / Ed. by J. Bintliff, M. Pearce, pp. 72–79. Oxford: Oxbow Books.
- Lowie R. H. 1927.** *Origin of the State*. New York: New York: Harcourt Brace.
- Maisels Ch. 1999.** *Early Civilizations of the Old World: The Formative Histories of Egypt, the Levant, Mesopotamia, India, and China*. New York: Routledge.
- Mann M. 1986.** *The Sources of Social Power*. Vol. I. *A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Marcus J., Sabloff J. 2008. (Eds.).** *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe: SAR Press.
- Marx K. 1964.** *Pre-Capitalist economic Formations*. London: Lawrence and Wishart.
- Meskel L. 2005. (Ed.).** *Archaeologies of Materiality*. Oxford: Blackwell.
- Morgan L. H. 1877.** *Ancient Society*. Cleveland: World Publishing Company.
- Moore J. D. 1996.** *Architecture and Power in the Ancient Andes: The Archaeology of Public Buildings*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Moore J. D. 2005.** *Cultural Landscapes in the Ancient Andes: Archaeologies of Place*. Gainesville: University Press of Florida.
- Mumford L. 2011.** What is a City? *The City Reader* / Ed. by R. LeGates, F. Stout. 5th ed., pp. 96–104. New York: Routledge, Taylor.
- Nichols D. L., Charlton T. H. 1997. (Eds.).** *The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, DC: Smithsonian Inst. Press.

- Oppenheimer F. 1919.** *Der Staat*. Frankfurt am Main: Rütten & Loening.
- Pauketat T. 2007.** *Chieftoms and Others Archaeological Delusions*. New York etc.: AltaMira.
- Peregrine P., Ember C., Ember M. 2007.** Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data. *Cross-Cultural Research* 41(1): 75–86.
- Possehl G. L. 1998.** Social Complexity Without the State: Ine Indus Civilization. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus, pp. 261–292. Santa Fe: NM.
- Price D., Fienman G. 2010. (Eds.).** *Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality*. New York etc.: Springer.
- Renfrew C. 1972.** *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C.* London: Methuen.
- Renfrew C. 2008.** The City through Time and Space: Transformations of Centrality. *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World* / Ed. by J. Marcus, J. Sabloff, pp. 29–51. Santa Fe: SAR Press.
- Sáenz C. 1991.** Lords of the Waste: Predation, Pastoral Production and the Process of Stratification among the Eastern Tuaregs. *Chieftoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle, pp. 100–118. Cambridge: Cambridge University Press.
- Service E. 1975.** *Origins of the State and Civilization*. New York: W. W. Norton and Co. Inc.
- Sjoberg G. 1960.** *The Pre-industrial City*. Glencoe, Illinois: Free Press.
- Skalnik P. 2009.** Early State Concept in Anthropological Theory. *Social Evolution & History* 8(1): 5–24.
- Smith A. T. 2003.** *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley etc.: University of California Press.
- Smith M. 2008.** *Aztec City-state Capitals*. Gainesville: University Press of Florida.
- Smith M. 2009.** V. Gordon Childe and the Urban Revolution: A Historical Perspective on a Revolution in Urban Studies. *Town Planning Review* 80: 3–29.
- Smith M. 2011.** Empirical Urban Theory for Archaeologists. *Journal of Archaeological Method and Theory* 18: 167–192.
- Smith Mo. L. 2014.** The Archaeology of Urban Landscapes. *Annual Review of Anthropology* 43: 307–323.
- Stoddart S. 1999.** Urbanism and State Formation. *Encyclopedia of Archaeology* / Ed. by G. Barker, A. Grant, pp. 908–949. London, Routledge.
- Storey G. 2006. (Ed.).** *Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Tökei F. 1966.** *Sur le 'mode de production asiatique*. Budapest: Akademiai kiado.
- Trigger B. 1990.** Monumental Architecture – A Themodynamic Explanation of Symbolic Behavior. *World Archaeology* 22(2): 119–132.
- Trigger B. 2003.** *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Turnwald R. 1935.** *Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen.* Bd. 4: *Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung.* Berlin, Leipzig: Verlag Walter de Gruyter.
- Ucko, P., Dimbleby G., Tringham R. 1970. (Eds.).** *Man, Settlement and Urbanism.* London: Duckworth.
- Wengrow D. 2015.** *Cities before the State in Early Eurasia. Goody Lecture 2015.* Halle: Max Planck Institute for Social Anthropology.
- Wheatley P. 1972.** The Concept of Urbanism. *Man, Settlement, and Urbanism* / Ed. by P. Ucko, R. Tringham, G. Dimbleby (eds.), pp. 601–637. Cambridge: Schenkman.
- Wirth L. 1938.** Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology* 44: 1–24.
- Wittfogel K. A. 1957.** *Oriental Despotism.* New Haven: Yale University Press.
- Yoffee N. 2005.** *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations.* Cambridge: Cambridge University Press.